

Патрушев Сергей

Школа
тёмной магии

Сергей Патрушев

Школа тёмной магии

«Автор»

2026

Патрушев С.

Школа тёмной магии / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где магия — это лишь грубый инструмент, а кровь разменная монета, рождается Белла Грейс. Дочь палачей и банкиров, она отказывается выбирать между золотом и силой. Она выбирает Энтропию. От пыльных коридоров Академии Теней до мраморных залов дворца она идёт путём абсолютной эффективности. Но когда ты начинаешь переписывать законы реальности, сама Смерть начинает дышать тебе в затылок, предлагая стать её вечной невестой.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дочь графа Грейса	5
Глава 2.Первый урок — Искусство Тьмы	10
Глава 3.Вызов леди Морганы	16
Глава 4.Цветы и отказы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Патрушев

Школа тёмной магии

Глава 1. Дочь графа Грейса

Осенний ливень над столицей королевства Ливинтия, городом Арденхолдом, не был похож на обычную непогоду. Это была тяжелая, свинцовая пелена, с глухим, методичным стуком бившая по брусчатке, черепичным крышам и лакированным верхам экипажей. Вода в сточных канавах несла грязь, прелые листья и мелкий городской сор, но даже этот запах гниения не мог пробиться сквозь плотную завесу ароматов, царивших внутри кареты, медленно катившейся по направлению к северным воротам.

Карета рода Грейс была произведением искусства, вызывающе чужеродным на фоне серых, промокших каменных фасадов. Выкованная из черного, как беззвездная ночь, мифрила, она не боялась ни ржавчины, ни времени. Ее корпус был инкрустирован панелями из дымчатого обсидиана, а массивные колеса, обитые зачарованной резиной, поглощали звук, из-за чего экипаж двигался по булыжникам почти бесшумно, словно призрак. На дверцах, выполненных из цельных пластин горного хрусталя, был выгравирован герб: черный ворон, держащий в клюве алую, сочащуюся кровью жемчужину.

Внутри царил полумрак, разгоняемый лишь тусклым светом двух вечных магических сфер, парящих под потолком. Обивка из кожи василиска цвета запекшейся крови мягко пружинила. Воздух здесь был сухим, теплым и пах дорогим сандалом, старым пергаментом и чем-то неувлимо металлическим — запахом больших, очень больших денег.

Белла Грейс сидела на бархатном диванчике, идеально прямая, словно проглоченная вязальная спица. На ее коленях лежала тяжелая книга в кожаном переплете — «Танатология: основы некротических привязок», — но она не читала. Ее взгляд, холодный и прозрачный, как лед на горных озерах, был устремлен в окно, за которым струилась вода.

Ее красота была тем оружием, перед которым пасовали армии и рушились союзы, но сейчас она была упакована в строгий, почти монашеский футляр. На ней было платье из плотного черного бархата, скроенное по последней столичной моде, но лишенное легкомысленных рюшей и открытых плеч. Единственное украшение — тяжелая платиновая цепь с тем самым гербом рода — тускло поблескивала на ее тонкой шее. Густые волосы цвета воронова крыла были заплетены в тугую, сложную косу, уложенную вокруг головы. Ни единого выбившегося волоска.

Ее лицо, словно выточенное из бледного мрамора гениальным, но жестоким скульптором, не выражало ничего. Идеально прямой нос, высокие скулы, губы, которые, казалось, никогда не знали искренней улыбки, и глаза. Глаза были ее главной странностью. Радужка настолько светлого, почти прозрачного серого цвета, что на свету сливалась с белком, создавая пугающий, немигающий эффект змеиного взгляда.

— Мы на подъезде к северным воротам, юная леди, — раздался из-за перегородки скрипучий голос кучера. — Стража уже предупреждена, но из-за дождя проверка может занять время.

— Я никуда не тороплюсь, Горан, — ответила Белла. Ее голос был лишен эмоций, ровный и мелодичный, но в нем не было ни капли тепла. — Жди.

Она знала, что Горан, старый слуга ее отца, сейчас почтительно склонил голову, хотя Белла не могла его видеть. Граф Эдмунд Грейс, ее отец, был богатейшим человеком Ливинтии, негласным королем теневой экономики, рудников и торговых путей. Его слово в Совете Пэров весило больше, чем корона самого монарха, пока та не была подкреплена золотом Грейсов.

Отправить единственную дочь в Школу Тёмной Магии, в эту клоаку для безродных одаренных, было политическим решением. Графу нужен был свой человек в самом сердце силы королевства, нужен был маг его крови, который однажды сможет контролировать не только золото, но и плетения.

Карета остановилась. Белла услышала, как снаружи забарабанили по дверце тяжелые капли, а затем — властный окрик капитана стражи. Скрип открываемой дверцы, запах мокрой шерсти и дорожной пыли.

Белла ступила на подножку, которую тут же подставил Горан, и сошла на мостовую. Дождь мгновенно вцепился в ее волосы и плечи, но она даже не поморщилась. За ее спиной двое крепких мужчин в ливреях цвета рода — черном с алой окантовкой — начали выгружать багаж. Кожаные сундуки, окованные мифрилом, сами собой плыли по воздуху, подчиняясь пассам рук слуг. Это было неприкрытое, наглое богатство. Большинство студентов Академии Теней попадали сюда пешком, с холщовой сумой за плечами.

Северные ворота Школы Тёмной Магии, или Академии Теней, как ее называли в народе, представляли собой гигантскую арку из черного базальта, от которой исходил ощутимый холод. На камне были высечены тысячи мелких рун, которые тускло пульсировали в такт дождю, сканируя входящих на предмет темной магии, проклятий и скрытых артефактов.

— Имя? — скукаяще протянул дежурный маг в серой мантии, даже не подняв глаз от своего журнала. Его пальцы светились бледным диагностическим светом, скользя по ручке двери кареты.

— Изабелла де Вьенн Грейс, — ровно произнесла Белла.

Маг замер. Его пальцы дрогнули, прервав сканирование. Он медленно, словно не веря, поднял голову. Его взгляд прошел по обсидиановой карете, по сундукам, плывущим в воздухе, по гербу и, наконец, остановился на лице девушки.

В этот момент время на площади перед воротами словно остановилось.

Белла стояла под проливным дождем, не делая ни шага под навес, и капли стекали по ее бледным щекам, как слезы. Но она не была похожа на промокшую, несчастную первокурсницу. Она выглядела как королева, соизволившая почтить своим присутствием свинарник.

Сначала ее заметил один из парней, стоявших у стены под козырьком учебной башни. Он подавился собственным дыханием. Затем второй, сидевший на каменной скамье, неловко встал, уронив книгу в лужу.

Красота Беллы не была теплой или зовущей. Она была острой, как осколок льда, и смертельной, как укус гадюки. Идеальная, математически выверенная симметрия лица, фарфоровая кожа, контрастирующая с чернотой волос и бархата, и этот прозрачный, леденящий взгляд. В ней не было ни капли доступной мягкости. Только недосыгаемость и огромные, пугающие деньги.

— Грейс? — хрипло переспросил дежурный маг, вскакивая со стула. — Дочь графа Эдмунда?

— Я не нуждаюсь в представлении моего отца, — холодно ответила Белла. — Я здесь под своим именем. У меня есть направление от ректора.

Она протянула ему запечатанный сургучом пергамент. Маг, спохватившись, взял его дрожащими пальцами, сломал печать и пробежал глазами. — Да, леди Грейс, — он сглотнул. — Прошу прощения. Я... я провожу вас к коменданту общежития.

— Не стоит, — Белла кивнула на свои сундуки. — Мои вещи доставят в мою комнату. Покажите мне, где находится административный корпус. Я хочу уладить формальности до начала приветственной речи.

Маг сглотнул снова, кивнул и, схватив со стойки масляный фонарь, вышел под дождь, услужливо раскрывая над ней тяжелый черный зонт.

Белла двинулась вперед. Она шла по центральной аллее Академии, и звон ее каблучков по мокрому камню казался ударами судейского молотка.

Академия Теней не была похожа на светлые, залитые солнцем университеты для целителей или артефакторов. Это было мрачное, давящее нагромождение готических башен, соединенных крытыми переходами. Камень здесь был покрыт влажным мхом, горгульи на крышах казались живыми, а вечный туман, клубящийся у основания стен, пах озоном и тленом.

Студенты, заполнявшие аллею, замирали.

Шепот, начавшийся с одного изумленного выдоха, покатился волной. — Это же... — Дочь Грейса? — Что она забыла в нашей дыре? — Смотрите на ее карету! Да на эти сундуки можно купить половину факультета боевой магии!

Парни, забыв о своих компаниях, своих девушках и своих разговорах о сложности курса высшей некромантии, просто смотрели. Это был ступор. Они пялились на нее, как крестьяне на явление святого, совершенно не стесняясь. Кто-то уронил сумку с учебниками. Кто-то, из первокурсников, попытался принять небрежную позу, опершись о стену, но его нога предательски поехала по мокрому мху, и он едва не рухнул в грязь, вызвав тихие смешки у немногих сохранивших рассудок.

Белла чувствовала эти взгляды кожей. Десятки, сотни глаз — жадных, оценивающих, похотливых, завистливых. Она не ускорила шаг. Она шла сквозь этот строй, как нож сквозь масло, и ее осанка оставалась безупречной.

Девушки реагировали иначе. Если парни заворуженно молчали, то женский шепот был ядовитым. — Вырядилась. Думает, если ее отец скупил все рудники, то она может купить и магию. — Посмотрите на ее волосы. Идеально уложены даже под ливнем. Магия укладки? — На ней платье стоит больше, чем мое содержание за пять лет. — Интересно, сколько демонов ее отец принес в жертву, чтобы она родилась такой?

Белла слышала все. Каждое слово. Ее идеальный слух, отточенный годами придворных интриг в поместье отца, улавливал вибрации воздуха. Но ее лицо осталось неподвижной маской. Лишь в глубине прозрачных глаз на долю секунды вспыхнул и погас тусклый, холодный огонек.

Она знала правила игры. В Академии Теней происхождение не значило ничего. Здесь ценилась только сила. Сила, вырванная у мира зубами, купленная болью, бессонницей и риском сжечь свой разум в попытках удержать плетение. Золото ее отца здесь было лишь мишенью. Она была чужой. Избалованной аристократкой, которая придет на лекции по кровавой ритуалистике в чистом платье.

Они ждали ее провала. Ждали, когда она сломается на первом же практическом занятии, пытаясь поднять зомби, когда ее вывернет наизнанку от запаха формалина в морге, когда она разрыдается от недосыпа. Они хотели увидеть грязь на ее бархате.

Белла остановилась перед массивными дубовыми дверями административного корпуса. Маг с фонарем, весь промокший, стоял рядом, боясь дышать.

— Благодарю, — она не повернула головы. — Вы свободны.

— Но ваши вещи, леди... — пролепетал маг. — Я должен убедиться, что их доставят в Северную башню, там комнаты для привилегированных...

— Мои слуги знают, что делать, — отрезала Белла. — Если сундук пропадет, граф Грейс выкупит эту башню вместе с вами и разберет по камню, чтобы найти его. Идите.

Маг побледнел, поклонился чуть ли не до земли и, спотыкаясь, бросился обратно под ливень.

Белла осталась одна на ступенях. Она подняла лицо к небу, позволяя холодным каплям смешаться с теми, что уже стекали по ее щекам. Дождь смывал с нее не пыль дороги — он смывал запах кареты, запах дома, запах безопасности.

Она глубоко вдохнула влажный, холодный воздух Арденхолда. Пахло мокрым камнем, гарью из труб алхимических лабораторий, прелой листвой и свободой. Опасной, непредсказуемой свободой.

Здесь ей не помогут ни имя отца, ни его золото. Здесь ей придется использовать то, чего нет у этих голодранцев с окраин, но что в избытке есть у дочери графа Грейса.

Власть.

Она не собиралась покупать их дружбу. Она собиралась купить их души. Или забрать их силой.

Белла поправила косу, одернула мокрый бархат и, толкнув тяжелую дверь, вошла в сухой, тускло освещенный холл административного корпуса.

За ее спиной, на аллее, толпа студентов начала медленно приходить в себя. Кто-то нервно засмеялся, пытаясь скрыть неловкость. Кто-то зло сплюнул в лужу.

— Стерва, — прошипела высокая девушка с факультета алхимии, глядя на закрывшуюся дверь. — Посмотрим, как ты запоешь на зачете по проклятиям первого уровня.

Но в глубине души, под слоем зависти и злобы, каждый из них — от самоуверенного боевого мага до забитого адепта школы крови — понимал одну простую вещь. С сегодняшнего дня Академия Теней перестала быть прежней. В их серое, пропитанное потом и дешевым табаком болото упала капля чистого, смертельного яда. И яд этот носил имя Белла Грейс.

Комната, выделенная Белле, находилась в Северной башне — самом престижном, сухом и защищенном жилом крыле Академии, куда обычно селили детей деканов или потомственных некромантов с нестабильным даром.

Пространство было небольшим, но обставленным с вызывающей роскошью, которую ректор позволил, лишь взглянув на рекомендательное письмо от короля. Кровать с балдахином из черного шелка, письменный стол из красного дерева, собственный умывальник с проточной ледяной и горячей водой (за что отвечал вмонтированный в стену слабенький элементаль), и — главное — огромный, от пола до потолка, пустой стеллаж для книг.

Слуги уже закончили работу. Два ее сундука стояли у стены. Третий, самый тяжелый, окованный тремя рядами рун сдерживания, был заперт на сложный механический замок.

Белла закрыла за собой тяжелую дубовую дверь. Щелкнул замок.

Она медленно подошла к окну. Дождь наконец начал стихать, сменяясь мелкой, колючей изморосью. Внизу, во дворе, зажигались тусклые магические фонари, бросая на мокрый камень длинные, искаженные тени. Академия жила своей вечерней жизнью: где-то вдалеке слышался взрыв неудачного заклинания, истерический смех и глухой удар чего-то тяжелого о землю.

Белла провела пальцем по холодному стеклу.

Она сняла тяжелые, промокшие уличные туфли и ступила на мягкий ковер босыми ногами. Подошла к первому сундуку, откинула крышку. Там, переложённые душистой лавандой, лежали десятки платьев, корсетов, нижних юбок. Одежда для приемов, для балов, для незаметного шпионажа. Она с силой захлопнула крышку.

Подойдя к столу, она открыла ящик. Там лежал простой костяной гребень. Белла взяла его и подошла к зеркалу в медной раме, висевшему над умывальником.

Она начала расплетать тугую, идеальную косу. Движение за движением, она вынимала шпильки из волос, и тяжелая волна смоляных прядей падала ей на спину и плечи, окончательно теряя форму от влажности. Ее безупречная, холодная маска, созданная для въезда в столицу, осыпалась вместе с этими шпильками.

Она расчесывала волосы резкими, злыми движениями, глядя в глаза своему отражению. Прозрачные серые глаза больше не были пустыми. В них плескался холодный, расчетливый огонь.

Они думают, что она — фарфоровая кукла. Изнеженная папина дочка, которая будет плакать над сломанным ногтем.

Белла улыбнулась своему отражению. Это не была вежливая улыбка, которой она одаривала студентов на аллее. Это была хищная, медленная улыбка, обнажающая идеально ровные, белые зубы. Улыбка человека, который знает, что в третьем, окованном рунами сундуке, под двойным дном, лежат не бальные туфли.

Там лежали человеческие кости. Три полных, идеально очищенных и зачарованных скелета, купленных на черном рынке Арденхолда за баснословные деньги. Там лежали кинжалы из обсидиана, закаленные в крови химер. Там лежал дневник ее прабабки, состоявшей в тайном ковене, с описанием ритуалов, за которые в Ливинтии полагалась публичная казнь на костре.

Золото отца дало ей эту комнату в Северной башне. Но выжить здесь ей поможет то, что течет в ее венах вместо крови.

Она закончила расчесываться, собрала еще влажные волосы в простой, небрежный узел на затылке, закрепив его первой попавшейся костяной шпилькой. Подошла к самому тяжелому сундуку.

Ее пальцы, тонкие и изящные, пробежались по сложным рунным замкам. Она не стала использовать магию. Она знала правильную последовательность нажатий.

Раздался глухой щелчок.

Белла подняла тяжелую крышку.

В комнате, пахнувшей сандалом и дождем, повис густой, сладковатый запах сушеных трав, меди и старой, концентрированной смерти.

Завтра начинались занятия. Белла Грейс села за стол, открыла «Танатологию» и взяла в руки самопишущее перо.

Она не спала всю ночь, зубря основы контроля нежити. К тому моменту, как приветственный колокол разбудит завтра эту серую, завистливую толпу, она уже будет знать имена всех деканов, их слабые места и точные формулы трех проклятий, не оставляющих следов для академического следственного комитета.

Они хотели видеть, как она сломается.

Что ж, Белла Грейс собиралась дать им представление. Но падать со сцены будет не она.

За окном Северная башня Академии Теней окончательно скрылась в наступившей тьме, сливаясь с чернильным небом. Где-то в городе, в родовом поместье графа Грейс, старый Эдмунд отложил государственные бумаги, налил себе вина и позволил себе редкую, удовлетворенную улыбку. Его фигура на шахматной доске королевства сделала первый ход. И этот ход носил имя его дочери.

Глава 2. Первый урок — Искусство Тьмы

Колокол Академии Теней не звонил. Он был.

Низкий, утробный звук, от которого вибрировали стекла в свинцовых переплетах Северной башни, проникал не в уши, а сразу в затылочную кость, заставляя зубы ныть. Это был не призыв к знаниям, а реквием по сну и спокойствию.

Белла Грейс открыла глаза за три секунды до первого удара. Она не спала. Она сидела в кресле у остывшего камина, закутанная в тяжелый плед, и смотрела на пляшущие в камине синие огоньки — остатки магического обогрева. Всю ночь она провела не смыкая глаз, склонившись над столом. «Танатология» была изучена от корки до корки. Дневник прабабки, который она извлекла из окованного сундука, лежал на коленях, и его страницы все еще хранили тепло ее рук.

Второй удар колокола заставил пламя в камине испуганно прижаться к углям.

Белла поднялась. Движения были точными, экономными, лишенными той сонной ленцы, которую обычно демонстрируют люди после бессонной ночи. Сон был непозволительной роскошью для тех, кто собирался править.

Она не стала тратить время на сложную прическу. Вчерашние влажные волосы высохли за ночь и теперь лежали тяжелой, блестящей волной, которую она просто перехватила черной шелковой лентой. Вместо вчерашнего дорожного бархата на ней было строгое платье из плотного сукна цвета воронова крыла. Высокий воротник под горло, длинные рукава, скрывающие кисти рук. Никаких украшений, кроме платиновой цепи рода.

Она выглядела как вдова на похоронах собственной юности.

Завтракать в общую столовую она не пошла. Слуга, бледный от недосыпа и страха, доставил ей поднос прямо в комнату: черный кофе, настолько густой, что в нем стояла ложка, и пресную лепешку. Белла выпила обжигающую жидкость одним глотком, даже не поморщившись, и вышла в коридор.

Академия просыпалась неохотно. Из-за дверей соседних комнат доносились звуки рвоты, стоны и приглушенная ругань — вчерашние первокурсники, впервые столкнувшиеся с дешевым академическим вином и бессонными зубрежками, платили цену за входной билет. Белла шла по каменному полу бесшумно. Ее каблуки не стучали — она сменила их на мягкие кожаные туфли.

Лекционный зал «М», где должна была проходить вводная лекция по «Основам тёмной энергии», находился в подземельях. К нему вела отдельная лестница, спускающаяся спиралью на три яруса вниз. Чем ниже она спускалась, тем холоднее становился воздух. Пахло озоном, сыростью, старым камнем и едва уловимым, металлическим привкусом крови.

Двери зала были массивными, из темного дуба, обитого железными полосами. Когда Белла толкнула их, в лицо ей ударил гул голосов.

Зал был вырублен прямо в скале. Сводчатые потолки терялись во мраке, который не могли разогнать тусклые, пульсирующие красным светом магические шары, висящие на цепях. Вместо парт здесь стояли каменные пюпитры, холодные на ощупь. Воздух был спертый — в нем смешались запахи немытых тел, дешевого мыла, страха и юношеского гонора.

Белла вошла, и гул мгновенно стих.

Это было уже не вчерашнее оцепенение на аллее. Это была тишина перед бурей. Парни, которые вчера смотрели на нее с животным восторгом, сегодня смотрели с плохо скрываемой злобой. Девушки, сбившиеся в стайки у дальних пюпитров, встречали ее взглядами, полными чистой, концентрированной ненависти.

Она заняла место в первом ряду, прямо под кафедрой. Это было вызовом. В Академии Теней первый ряд традиционно пустовал — туда сажали либо самоубийц, либо тех, кто хотел,

чтобы профессор видел каждое их движение. Белла села идеально прямо, сложила руки на каменной столешнице и замерла.

Студенты начали переглядываться. Дочь графа Грейса, богатейшего человека страны, сидит в первом ряду, как зубрила-отличница. Это не вязалось с ее каретой и сундуками. — Выслуживается, — прошипел кто-то сзади. — Хочет сразу в любимчики к декану. — Посмотрим, как она запоеет, когда Мор начнет вызывать тени, — ответил густой бас.

Белла не повела бровью. Она знала, что фамилия профессора была Мор. Магнус Мор. Легендарный некромант, чье лицо пересекал старый шрам от когтей умертвия, а левая рука была заменена сложным аугментом из меди и кости. Говорили, что он лично упокоил Ледяного Короля Севера, просто поговорив с ним.

Профессор появился ровно с третьим ударом колокола. Он не вошел — он возник из тени за кафедрой. Это не было телепортацией, просто игра света и его черный, бесформенный плащ, который, казалось, поглощал пространство.

Магнус Мор обвел зал тяжелым взглядом. Его единственный целый глаз был желтым, как у хищной птицы. — Садитесь, — его голос был сухим, как шелест пергамента. — Меня зовут Магнус Мор. Я — ваш кошмар на ближайшие полгода. Те, кто выживет, перейдут на второй курс. Те, кто нет... что ж, кафедре алхимии всегда нужны свежие трупы для практики.

По залу прокатилась нервная волна смешков. — Тёмная магия, — Мор оперся костяными пальцами аугмента о кафедру, — это не то, что вы читали в дешевых романах. Это не красивые вспышки и не призыв демонов для исполнения желаний. Тьма — это энтропия. Это гниение. Это распад связей. Это искусство забирать.

Он замолчал, давая словам впитаться в холодный камень стен. — Большинство из вас здесь, потому что вы родились с изъяном. Ваша магия слишком агрессивна для светлых факультетов. Она жжет вам вены. Вы не можете исцелить порез, не рискуя вызвать гангрену. Вы не можете зажечь свечу, не спалив дом. Академия Теней — это место, где мы учим вас не сжигать самих себя. Мы учим вас направлять этот яд.

Белла слушала, впитывая каждое слово. Она знала теорию. Но теория и практика в подземелье, пропитанном вековой смертью, — разные вещи.

— Сегодня, — Мор выпрямился, — я не буду требовать от вас многого. Ваш дар спит. Чтобы разбудить его, нужна боль или страх. Но я покажу вам, к чему вы должны стремиться.

Он сошел с кафедры. Каменный пол под его ногами не издавал ни звука. — Заклинание называется «Стигийский саван». Базовое плетение второго уровня. Оно создает область абсолютного холода и гравитационного сжатия. Враг внутри замерзает, а его кости ломаются под собственным весом.

Магнус Мор вскинул здоровую руку. В зале стало еще темнее. Шары на цепях потускнели, превратившись в тусклые угли.

Белла видела это не так, как остальные. Для большинства студентов воздух просто стал плотнее. Для нее он стал похож на черное стекло, пронизанное тончайшими, едва видимыми нитями. Профессор не просто махал рукой. Он плел. Его пальцы, словно иглы ткача, подхватывали нити энтропии, скручивали их, напивали маной смерти и связывали в тугой, пульсирующий узел.

Формула была изящной. Пугающе сложной для демонстрации первокурсникам, но математически безупречной. Белла видела, как он использует собственную костную ткань аугмента в качестве резонатора, чтобы усилить поток. Она видела, как он экономит ману, используя естественную сырость подземелья как катализатор.

— Смотрите внимательно, — прошипел Мор.

Он завершил пасс.

В центре зала, где была выложена каменная пентаграмма, воздух сгустился в черный лед. Это не был обычный лед. Он не блестел. Он поглощал свет. Температура в зале упала так

резко, что дыхание студентов превратилось в густые облака пара. Каменный пол в радиусе трех метров покрылся инеем, а затем начал трескаться.

Из центра пентаграммы медленно поднялась тень. Бесформенная, чернее самой тьмы, она имела лишь намек на человеческие очертания. Саван. Он не издавал звука, но Белла чувствовала его голод. Это было чистое, концентрированное ничто.

Мор щелкнул пальцами. Саван метнулся к ближайшему пюпитру и прошел сквозь него. Дерево мгновенно почернело, сморщилось и рассыпалось в труху, словно пролежало в могиле сотню лет.

Зал ахнул. Кто-то из девушек в дальнем ряду тихо вскрикнул.

— Впечатляет, не так ли? — Мор смотрел на студентов, и его желтый глаз горел триумфом. — Чтобы сплести это, нужен контроль, который оттачивают годами. Вы не сможете повторить это сегодня. Вы не сможете повторить это через год. А теперь...

Он не успел договорить.

Белла Грейс встала.

Она сделала это медленно, без резких движений. Просто поднялась со своего места, и звук ее движения в мертвой тишине прозвучал как выстрел.

— Леди Грейс, — желтые глаза Мора сузились. — Я ценю энтузиазм, но сесть на пюпитр вы всегда успеете. Сначала научитесь стоять на ногах, когда рядом дышит энтропия.

— Я не собираюсь садиться на пюпитр, профессор, — ее голос прозвучал ровно и громко, перекрывая гул возвращающегося тепла. — Я хочу повторить.

По залу прошелестел вздох. Кто-то нервно хихикнул, но смех тут же оборвался под тяжелым взглядом профессора.

Магнус Мор медленно, очень медленно улыбнулся. Улыбка сделала его лицо похожим на череп. — Вы слышали мое условие. Заклинание второго уровня. Вы, мисс Грейс, еще даже не инициированы. Если вы шагнете в пентаграмму, «Саван» выпьет вашу душу быстрее, чем вы успеете произнести первое слово формулы. Но если вам так не терпится стать учебным пособием для кафедры некропротеистов...

— Я не буду входить в пентаграмму, — перебила его Белла. — И мне не нужна пентаграмма.

Она сделала шаг вперед, выходя из-за своего пюпитра на свободное пространство перед кафедрой.

— Профессор, вы использовали костный резонатор аугмента для стабилизации вектора, — продолжила она тем же спокойным, лекторским тоном. — Это изящно, но неэффективно при высокой влажности. Мана смерти конфликтует с водной средой, создавая потерю энергии на уровне пятнадцати процентов. Если использовать в качестве якоря не кость, а кристаллизованную гемолитическую эссенцию, потери сократятся до трех, а время каста — вдвое.

Магнус Мор перестал улыбаться. Его желтая радужка потемнела, почти слившись со зрачком. Он смотрел на нее не как на студентку. Он смотрел на нее как на угрозу.

— Довольно лекций, — отрезал он. — Либо делайте, либо сядьте и не позорьте имя своего отца.

— Как прикажете, — кивнула Белла.

Она не стала принимать театральную позу. Не стала вскидывать руки к потолку. Она просто опустила взгляд на свои ладони.

Для остальных в зале ничего не изменилось. Стояла девушка в черном платье и просто смотрела на свои руки.

Но те немногие, кто обладал зачатками магического зрения — в основном, дети мелких баронов с окраин, чьи глаза уже мутнели от проклятий — увидели, как воздух вокруг Беллы меняется.

Она не тянула ману извне. Она не обращалась к стихиям. Тёмная магия, настоящая тёмная магия, начинается внутри. Белла просто... открыла заслонку.

Внутри каждого человека есть искра. У магов она горит. У Беллы Грейс она была черным, сверхплотным карликом, пожирающим пространство. Она позволила этому жару коснуться поверхности.

Температура в зале снова начала падать. Но теперь это было иначе. Если от заклинания Мора веяло могильным холодом, то от Беллы веяло холодом пустоты. Холодом открытого космоса.

Она подняла правую руку. Пальцы были бледными, почти прозрачными.

— Вы используете жест «Расколотое небо», — сказала она, обращаясь к спине профессора. — Он избыточен. Для «Стигийского савана» достаточно вектора.

Она не шептала заклинание. Она просто позволила мане течь.

Нити тьмы, которые вились под потолком, дрогнули. Они, словно послушные змеи, потянулись к ее пальцам. Белла не плела их с нуля. Она просто подхватила те обрывки плетения, что оставил после себя профессор, и связала их заново.

Ее плетение было другим. Там, где Мор использовал грубые, тяжелые узлы, она завязала микроскопические, идеальные стежки. Она не боролась с сыростью подполья — она сделала ее частью структуры, используя молекулы воды как каркас.

В центре зала, прямо над плитой пентаграммы, сгустился мрак.

Он не был черным. Он был *отсутствием*. Белее белого, чернее черного. Зона абсолютного нуля.

Белла сжала кулак.

Раздался звук, похожий на хруст тонкого льда. Но это был не лед. Это был звук лопнувшего пространства. Каменная плита пентаграммы в радиусе метра не покрылась инеем. Она просто... схлопнулась. Молекулы камня потеряли кинетическую энергию и сжались. Плита просела на полдюйма вниз, покрывшись сетью трещин, похожих на паутину.

Воздух в этой зоне стал видимым — он превратился в черную, медленно вращающуюся воронку. Ни тумана, ни инея. Только абсолютная, тяжелая, давящая пустота.

В зале стояла мертвая тишина. Было слышно, как бьется чье-то сердце. Громко, как колокол.

Белла разжала кулак.

Черная воронка дрогнула и с тихим шипением растворилась, словно ее никогда не было. Каменная плита осталась просевшей и расколотой. Температура вернулась к норме так же резко, как и упала.

Белла опустила руку. Она не выглядела уставшей. Ни одна прядь волос не выбилась из ленты. Ее дыхание было ровным.

Она перевела взгляд на профессора Мора.

Магнус Мор стоял неподвижно. Его единственный глаз был расширен от ужаса и изумления. Медный аугмент на его левой руке раскалился докрасна — сработали встроенные защитные контуры, которые магистр активировал неосознанно, почувствовав рядом силу, способную уничтожить весь зал.

— Это... — прохрипел он. — Это невозможно.

— Возможно, если не тратить пятнадцать процентов энергии на конфликт с влажностью, — вежливо ответила Белла. — Гемолитическая эссенция, профессор. Или, в крайнем случае, капля собственной крови в качестве катализатора. Вы же знаете, что кровь Грейсов имеет повышенное сродство к энтропии.

Она улыбнулась. На этот раз это была не вежливая маска. Это была улыбка хищника, который только что перегрыз горло другому хищнику на его же территории.

Зал взорвался.

Сначала это был шок. Затем — недоверие. А затем — ярость. — Читерство! — взвизгнула рыжая девушка с задних рядов, вскакивая. — Она использовала родовой артефакт! У нее кольцо под перчаткой! — Это чит! — поддержал ее парень с факультета демонологии. — Никто не может сплести «Саван» на первом уроке! Это читерство! — Грейс всегда покупают то, что не могут взять силой! — крикнул кто-то еще.

Они начали подниматься со своих мест. Каменные пюпитры со скрежетом отодвигались. Кулаки сжимались. Глаза, еще недавно полные восхищения, теперь горели желанием разорвать ее на части. Они чувствовали себя униженными. Не просто побежденными — стертыми в порошок. Какая-то девчонка, которая даже не вспотела, сделала то, над чем они бились годами, и при этом имела наглость читать им лекцию о неэффективности их кумира.

Белла осталась стоять. Она не отступила ни на шаг, хотя толпа первокурсников, подогретых злобой и страхом, начала медленно смыкаться вокруг нее.

— Тихо, — сказал Магнус Мор.

Его голос не был громким. Но он ударил по барабанным перепонкам, как молот. Студенты замерли, словно их ударили невидимым хлыстом.

Мор медленно подошел к Белле. Он был на две головы выше ее. От него пахло озоном, смертью и старым, застарелым безумием.

Он смотрел на нее сверху вниз. Его желтый глаз изучали каждую черту ее лица, ища подвох, печать демона, следы запрещенных ритуалов. — Артефакт? — тихо спросил он, обращаясь скорее к залу, чем к ней.

Белла медленно, демонстративно подняла руки. Она закатала кружевные манжеты, обнажая тонкие запястья. Никакого кольца. Никакого браслета. Только бледная кожа. — Кровь, профессор, — так же тихо ответила она. — И книги. Мой отец собрал лучшую библиотеку тёмных гримуаров в Восточных землях. К сожалению, большинство из них написаны на мертвом языке Культа Глубин. Но я умею читать.

Магнус Мор смотрел на нее еще несколько долгих, невыносимых секунд. Затем его лицо дрогнуло, и он вдруг громко, раскатисто расхохотался.

Это был страшный смех. Смех человека, который давно сошел с ума, но сумел договориться со своим безумием.

Он смеялся, запрокинув голову, и его аугмент скрипел в такт. Студенты отшатнулись. Белла не шелохнулась.

— Садитесь, — рявкнул Мор, резко оборвав смех, когда студенты уже готовы были бежать к выходу. — Все! Живо по местам, куски навоза!

Толпа, пригибая головы, начала неохотно возвращаться к пюпитрам. Они бросали на Беллу взгляды, полные суеверного ужаса.

Мор повернулся к ней. Его лицо снова стало серьезным, но в желтом глазу плясали безумные искорки веселья. — Вон туда, — он указал костяным пальцем на место прямо за своей кафедрой, у стены. — Отныне твое место там. Если ты пропустишь хоть одну мою лекцию, я лично выпотрошу тебя, чтобы посмотреть, какого цвета твои внутренности. Ты поняла меня, Изабелла де Вьенн Грейс?

— Да, профессор, — кивнула Белла.

Она прошла сквозь расступившуюся, испуганную толпу и заняла указанное место. Теперь она стояла не со студентами. Она стояла с ним. Рядом с кафедрой.

— А вы чего застыли? — рявкнул Мор на остальных. — Думали, я буду гладить ее по голове? «Стигийский саван» — это заклинание для самоубийц! Оно убивает каждого десятого, кто пытается его освоить! Она не справилась. Она просто показала вам фокус, используя свою отравленную кровь!

Он прошелся перед кафедрой, его плащ развевался, не подчиняясь законам физики. — Но фокус был идеальным, — неожиданно добавил он, и его голос стал вкрадчивым. — Иде-

альная экономия. Идеальный вектор. Кто-нибудь из вас, кретинов, заметил, как она связала воду? Нет? Конечно, нет. Вы смотрите на фамилию на ее груди, а не на плетение.

Мор остановился и обвел зал тяжелым взглядом. — С сегодняшнего дня правила меняются. В этой аудитории нет графов. Нет баронов. Нет грязи из подворотен. Есть только потенциал. И если дочь богатейшего человека в королевстве может плести «Саван» на первом уроке, значит, вы, ленивые куски мяса, должны быть способны хотя бы вызвать искру, не спалив себе брови.

Он достал из складок плаща длинный, тонкий стилет. — А теперь мы переходим к практике. Добровольцы? Кто хочет узнать, каково это — когда ваши легкие замерзают изнутри? Леди Грейс? Не желаете продемонстрировать еще раз?

Белла сделала шаг вперед. — С удовольствием, профессор. Но, с вашего позволения, я бы хотела использовать модификацию с гемолитической эссенцией. Чтобы не разочаровывать вас снова.

Магнус Мор улыбнулся, на этот раз почти по-доброму. — Наглая дрянь, — с явным одобрением пробормотал он. — Я одобряю. Приступайте.

Он метнул стилет в дальний конец зала. — Цель — вон тот манекен. Если «Саван» его не уничтожит, следующим будешь ты.

Белла кивнула. Она чувствовала на себе сотни ненавидящих взглядов. Она чувствовала, как воздух дрожит от страха однокурсников. Она закрыла глаза, на секунду позволив себе выдохнуть. Она не боялась. Страх остался там, в прошлой жизни, в карете, въезжающей в ворота Арденхолда.

Она открыла глаза. Они были абсолютно прозрачными. Белла подняла руку, и в подземелье снова стало холодно. На этот раз она не собиралась быть скромной.

Глава 3. Вызов леди Морганы

Слава в Академии Теней распространялась быстрее, чем гангрена от неудачного проклятия. К концу первого дня Белла Грейс перестала быть просто «дочерью графа». Она стала «Той Самой Беллой». Легендой, которая родилась за сорок минут до обеденного колокола.

В столовой, куда она спустилась, игнорируя влажный, кислый запах вареной капусты и дешевого эля, разговоры стихали, стоило ей войти в огромный гулкий зал. Студенты, еще утром готовые разорвать ее на части за унижение профессора Мора, теперь смотрели на нее с суеверным ужасом. Она была не просто богатой. Она была *опасной*.

Белла села за стол преподавателей. Это не было официальным разрешением. Она просто подошла к длинному дубовому столу, за которым сидели Магнус Мор и еще двое угрюмых деканов, отодвинула свободный стул и села.

— Леди Грейс, — процедил декан факультета демонологии, чья кожа была покрыта мелкими, шевелящимися татуировками. — Студентам не место за этим столом. — Я не студент, — спокойно ответила Белла, накладывая себе на тарелку кусок серого ростбифа. — Я — инвестиция графа Грейса. Инвестициям положено сидеть рядом с управляющими.

Магнус Мор хмыкнул в свою кружку, но ничего не сказал. Остальные деканы предпочли сделать вид, что их сейчас стошнит, и углубились в еду. Белла ела медленно, механически, слушая, как за соседними столами шепотом пересказывают ее утренний триумф, добавляя с каждым пересказом все больше деталей: якобы она держала «Саван» голыми руками, а профессор Мор плакал от зависти.

Она знала, что это затишье перед бурей. В любой закрытой иерархической системе появление элемента, нарушающего баланс, вызывает отторжение. Белла была вирусом в идеально больном организме Академии.

Буря явилась в лице леди Морганы де Солей.

Это случилось на закате, во внутреннем дворе, где первокурсники отрабатывали базовый контроль маны — пытались зажечь свечи, не расплавив подсвечники. Белла стояла в стороне. Ей было скучно. Зажжение свечи требовало концентрации на уровне грудного младенца, и она уже трижды чуть не устроила направленный взрыв, просто от скуки перебирая в уме более сложные формулы.

Моргана де Солей была воплощением того, чем Белла притворялась утром. Золотые локоны, уложенные в сложную башню. Платье из тончайшего шелка цвета весенней листвы, которое выглядело абсолютно неуместно в каменном мешке Академии, но стоило больше, чем годовой бюджет пограничной крепости. Кожа, тронутая загаром южных провинций. Огромные, влажные глаза цвета темного меда.

Моргана была лучшей на курсе. Не самой сильной — ее дар к светлой магии был посредственным, — но самой изящной. Самой популярной. Дочь герцога, она правила этим серпентарием с улыбкой, от которой плавилась сердца и кошельки. До сегодняшнего дня.

Она подошла к Белле в сопровождении своей свиты — трех девушек, которые смотрели на мир исключительно через плечо своей королевы, и двух широкоплечих парней с факультета боевой магии, выполнявших роль мебели.

— Какая... интересная ткань, — протянула Моргана, останавливаясь в двух шагах от Беллы. Ее взгляд скользил по строгому черному сукну платья соперницы. — Я слышала, в столице сейчас в моде траур по здравому смыслу.

Свита угодливо захихикала.

Белла медленно повернула голову. Она не удостоила Моргану даже беглым осмотром. Ее взгляд прошел сквозь герцогскую дочь, как сквозь оконное стекло. — Если вы закончили

изучать крой моего платья, леди де Солей, отойдите. Вы заслоняете мне вид на тех, кто действительно пытается освоить магию.

Хихиканье оборвалось. Свита Морганы застыла. Желваки на скулах парней-мебельщиков заходили ходуном.

Моргана моргнула. Медленно. Ее кукольное лицо на мгновение исказилось, но тут же снова стало маской светской любезности. — О, я смотрю, уроки профессора Мора пошли вам на пользу. Вы научились дерзить. Но, боюсь, вы забыли, где находитесь. Это Академия Теней, милочка. Здесь статус определяется не размером сундуков вашего отца, а тем, сколько демонов вы способны удержать в подчинении.

— Мой статус определяется тем, что я стою здесь, а вы все еще не горите, — ровным голосом ответила Белла. — Хотя моя скука уже достигла критической массы. Если вы пришли поговорить о моде, обратитесь к кафедре алхимии. Они умеют красить ткани в цвет детской рвоты. Если вы пришли учиться — отойдите.

Это был перебор. Моргана побледнела, а затем краска залила ее шею и щеки. Публичное унижение перед ее свитой, перед первокурсниками, которые с жадностью ловили каждое слово, было недопустимым.

— Ты высокомерная дрянь, — прошипела Моргана, делая шаг вперед. От нее пахло дорожными духами и озоновой магией — она инстинктивно начала собирать светлую ману в ладонях, готовясь к атаке. — Ты думаешь, что если твой отец купил тебе место за столом деканов, ты можешь топтать меня? Я — леди Моргана де Солей! Мой род сидит в Совете Пэров, когда твои предки еще грабили караваны на тракте!

— Мои предки грабили империи, — не меняя тона, поправила Белла. — И если вы сейчас же не опустите руки, леди Моргана, я продемонстрирую вам, почему «Стигийский саван» не рекомендуется использовать в помещении с деревянным перекрытием. Отпустите ману. Вы светитесь, как дешевый фонарь. Это вульгарно.

Моргана задыхнулась от ярости. Ее пальцы, светившиеся мягким золотым светом, сжались в кулаки. — Ты смеешь мне угрожать? Мне? В моей школе? — Это не ваша школа, — Белла наконец соизволила посмотреть ей прямо в глаза. Ее прозрачный, холодный взгляд встретился с медовым взглядом Морганы. — И если вы сделаете еще один шаг, я не буду использовать «Саван». Я просто сломаю вам лодыжку. Магией земли. Это очень больно и совершенно неэстетично. Вы не сможете танцевать на Осеннем Балу. Представляете, какой это будет удар по репутации?

Свита Морганы ахнула. Боевики сделали шаг вперед, но остановились, поймав взгляд Магнуса Мора, который как раз вышел из дверей учебного корпуса с дымящейся трубкой в зубах. Профессор прислонился к косяку, с интересом ожидая развития событий. Он не вмешивался. Правила Академии разрешали выяснение отношений между студентами, если это не приводило к летальному исходу.

Моргана поняла, что силой ее сейчас не взять. Белла была права — драка с первокурсницей в первый же день выставит герцогскую дочь в жалком свете. Нужен был другой инструмент. Тот, где правила играют на ее стороне.

Губы Морганы изогнулись в сладкой, ядовитой улыбке. — Ты боишься драться, — пропела она. — Ты прячешься за именем отца и угрозами. Ты трусишь.

Белла едва заметно вздохнула. — Леди Моргана, я только сегодня уничтожила каменную плиту в зале «М». Я не хочу проделывать то же самое с вашим черепом. В этом нет вызова. Это все равно что разбить фарфоровую куклу молотком. Разочарование — слишком высокая цена за победу.

— Ты боишься, — повторила Моргана, повышая голос, чтобы слышали все во дворе. — Потому что знаешь, что я сотру тебя в порошок. Ты — подделка. Дешевая пародия на аристократию.

Она сделала театральную паузу, обводя взглядом притихший двор. — Я, леди Моргана де Солей, наследница герцогства Солей, вызываю тебя, Изабеллу Грейс, на официальную дуэль. Прямо здесь. Прямо сейчас. До первой крови или до признания поражения.

Это был идеальный ход. Отказаться от дуэли в Академии Теней означало потерять лицо навсегда. Это было клеймо слабака. Белла понимала ловушку. Моргана была светлым магом. Ее магия была направлена на созидание, исцеление, защиту. Белла была некромантом по самой своей сути. Любое серьезное заклинание, которое она применит, либо покалечит Моргану, либо убьет ее. В обоих случаях Белла станет чудовищем, которое избило «бедную светлую девочку».

— Я отказываюсь, — спокойно сказала Белла.

Во дворе повисла тишина. Даже ветер, казалось, перестал шелестеть жухлой травой.

— Что? — Моргана растерялась. Она ожидала страха, ярости, попытки оправдаться. Но не этого ледяного, скучающего отказа. — Я отказываюсь от дуэли, — повторила Белла, поворачиваясь к ней всем корпусом. — Не потому что боюсь вас, Моргана. А потому что это будет не дуэль. Это будет казнь. Я не хочу нести ответственность за вашу смерть из-за вашего же тщеславия. Идите в свою комнату, поплачьте в подушку и смиритесь с тем, что в этом году у Академии Теней новая королева.

Это было хуже пощечины. Это было уничтожение. Моргана почувствовала, как земля уходит из-под ног. Свита смотрела на нее с сомнением. Если Белла откажется снова, Моргана станет посмешищем, которая бросила вызов и испугалась собственного вызова.

— Трусиха! — взвизгнула она, срывая голос. — Отказываешься, потому что знаешь, что я тебя уничтожу! Профессор Мор! — она обернулась к кафедре. — Вы свидетель! Она отказывается от честного поединка! Она недостойна носить мантию Академии!

Магнус Мор вынул трубку из рта. Клуб дыма в форме черепа медленно растаял в вечернем воздухе. — Леди Грейс, — его голос прогремел на весь двор, — Кодекс Академии, пункт четырнадцать. Вызов на дуэль, брошенный публично, не может быть отклонен без потери статуса студента. Вы принимаете вызов или покидаете эти стены до конца семестра?

Белла медленно повернула голову к профессору. В ее прозрачных глазах на миг вспыхнуло раздражение. Она не хотела этого цирка. Но Мор не оставил ей выбора. Он тоже играл в свою игру — он хотел посмотреть, как далеко она пойдет.

— Я принимаю, — тихо, но так, что слышали все, сказала Белла.

Моргана торжествующе улыбнулась. — Отлично. Правила: только магия. Никакой крови, никаких костей. Это оскорбит мой светлый дар. До падения.

— Принимаю, — кивнула Белла.

— Мы будем использовать стандартные подаватели летального исхода, — вмешался Мор, выступая вперед. Он щелкнул пальцами, и вокруг дуэлянтного круга вспыхнул круг из красных рун. — Если заклинание станет смертельным, щит Мора вас заблокирует. Но будет больно. Очень больно. Начали!

Моргана не стала ждать. Она была быстрой. Она вскинула руки, и между ее ладонями вспыхнул шар чистого, ослепительного света. — «Копье Аполлона»! — выкрикнула она.

Это было базовое, но мощное заклинание светлой магии. Сгусток плазмы, способный пробить стальную кирасу. Моргана целилась прямо в центр груди Беллы. Намерение было ясным: не просто победить, а отбросить, опалить, унижить болью.

Студенты затаили дыхание. Кто-то из свиты Морганы закрыл глаза, не желая видеть, как дочь графа превратится в пепел.

Белла не шелохнулась. Она даже не подняла рук.

Она просто шагнула в сторону.

«Копье Аполлона» — это чистая энергия. Оно быстрое, но прямолинейное. Белла, используя лишь врожденную реакцию и знание физики, сместилась ровно на полшага вправо.

Заклинание, стоившее Моргане огромного количества маны, с оглушительным шипением пронеслось мимо и врезалось в каменную стену учебного корпуса. Раздался взрыв. Во все стороны полетели осколки гранита и облако пыли.

Когда пыль осела, все увидели Беллу. Она стояла на том же месте, отряхивая с плеча несуществующую пылинку.

— Вы промахнулись, — констатировала она. — Как неэлегантно.

Моргана взревела. Ее лицо исказилось от ярости. Она не собиралась играть в игры. — «Солнечные пути»!

С ее пальцев сорвались десятки тончайших нитей из золотого света. Они не летели в Беллу. Они полетели *вокруг* нее, оплетая пространство сложной, липкой сетью. Это было заклинание захвата. Светлая магия, невероятно липкая для тёмной энергии. Если Белла попытается использовать свою силу, нити вспыхнут и обожгут ее до костей.

Сеть стремительно сжималась, превращая пространство вокруг Беллы в золотистую клетку.

Моргана улыбалась. Она сделала это изящно. Она не била в лоб. Она связала противницу по рукам и ногам ее же собственной стихией. — Сдавайся, Грейс, — пропела она. — Твоей тьме некуда течь.

Белла посмотрела на золотую сеть, коснувшуюся уже ее платья. Она посмотрела на сияющее от триумфа лицо Морганы.

А затем она улыбнулась.

— Вы совершаете классическую ошибку светлых магов, леди Моргана, — мягко сказала Белла. — Вы думаете, что Тьма — это то, что нужно *излучать*.

Она не сделала ни одного пасса руками. Она не произнесла ни слова на мертвом языке. Она просто *перестала* сдерживать то, что было внутри.

Но вместо того, чтобы ударить во все стороны разрушительной волной, она направила поток энтропии внутрь. В саму структуру золотого света. Тьма не боролась со Светом. Тьма — это отсутствие Света. Белла показала свету его отсутствие.

Это не было заклинанием. Это было концептуальным подавлением. Золотые нити «Солнечных путей» коснулись ауры Беллы и... поблекли. Не лопнули, не сгорели. Они просто начали терять цвет.

Сначала ослепительное золото стало тусклым, как старая монета. Затем — желтым. Потом — грязно-серым.

Секунда.

Вся сияющая сеть, оплетавшая Беллу, превратилась в обычную серую паутину из сухих, ломких нитей, которые тут же осыпались на каменные плиты с тихим, печальным шелестом. Моргана смотрела на свои руки в ужасе. Ее мана... она просто *перестала быть светлой*. Она стала ничем. Но Белла не закончила.

Она перевела взгляд на платье Морганы. На дорогой шелк цвета весенней листвы.

Белла прищурилась. Она не использовала атакующее плетение. Она использовала бытовое. Самое базовое, самое презираемое на факультете боевой магии заклинание. «Стирание пигмента».

Она коснулась его не маной смерти, а чистой, холодной, выверенной волной энтропии, направленной исключительно на молекулярные связи красителя в ткани. Это было хирургически точно. Это было оскорбительно.

Шелк платья леди Морганы де Солей в мгновение ока потерял цвет.

Ослепительно-зеленая ткань стала мертвенно-серой. Цвета пепла. Цвета старой пыли. Цвета савана. Яркий, дорогой, жизнеутверждающий наряд превратился в тряпку нищенки.

Светлые локоны Морганы, напитавшиеся рассеянной энтропией, потеряли свой золотистый блеск, став тусклыми, почти пепельными. Ее кожа, лишенная магического свечения, кото-

рым она подсознательно поддерживала свой «сияющий» вид, приобрела нездоровый, сероватый оттенок.

Моргана посмотрела на свои руки. На свое платье. Она открыла рот, чтобы закричать, но из горла вырвался лишь тихий, придушенный писк.

Она была выцветшей. Стертой.

Белла сделала шаг вперед. Она подошла к сопернице вплотную. Теперь она возвышалась над ней, источая холод.

— Вы вызвали меня на дуэль магии, — прошептала Белла так, что слышала только Моргана. — Но вы хотели унижить меня. Вы хотели показать, что вы — королева, а я — грязь под вашими ногами.

Белла подняла руку. На кончике ее указательного пальца затлела крошечная, черная искра.

— Запомните этот урок, Моргана. В Академии Теней королева — это не та, у кого красивее платье. А та, кто может сделать так, чтобы у всех остальных платьев не стало вовсе.

Она щелкнула пальцами, гася искру.

— Я не хочу вашей крови. Я забираю ваш статус.

Белла развернулась и пошла прочь из круга рун, прямо к дверям жилого корпуса. Она шла сквозь толпу застывших студентов. Те расступались перед ней, давая широкий проход, вжимаясь в стены. Они смотрели не на нее. Они смотрели на Моргану.

Леди Моргана де Солей, наследница герцогства, стояла посреди двора в сером, бесцветном платье, с пепельными волосами, и беззвучно рыдала. Ее свита, увидев свою королеву в таком виде, в ужасе отшатнулась, словно от прокаженной.

Магнус Мор вынул трубку изо рта и выдохнул дым. На его изуродованном шрамом лице играла широкая, почти волчья улыбка. — Запишите, — бросил он декану-бюрократу, который прибежал на шум с журналом. — Леди Грейс. Дуэль. Победа. Оценка — «великолепно». И назначьте ей дополнительную лекцию по этике сдерживания. Кажется, наша малышка слишком любит драматизм.

Белла, уже дойдя до дверей, на секунду остановилась. Она не обернулась. Она просто позволила уголку своего рта дернуться вверх.

Первая победа была за ней. И она не стоила ей ни капли маны. Только хорошего настроения, которое, впрочем, у нее отобрали еще в карете по дороге в столицу.

Глава 4. Цветы и отказы

Утро в Академии Теней редко приносило что-то, кроме головной боли, запаха серы из алхимических лабораторий и синяков под глазами от недосыпа. Белла Грейс открыла глаза ровно за минуту до того, как мертвый ворон на верхушке Северной башни трижды каркнул, возвещая начало нового дня.

Она спала плохо. Не из-за кошмаров или страха перед вчерашней дуэлью. Ее сон нарушало осознание собственной неосторожности. Превращение платья Морганы в пепельное рубище было актом чистого, почти детского тщеславия. Это было эффективно, но нерационально. Магнус Мор прав: она любит драматизм, а драматизм в политике ее отца — это дыра в бюджете размером с графство.

Белла села на край кровати, потянулась, разминая затекшие плечи, и подошла к умывальнику. Ледяная вода смыла остатки сна. Она плеснула в лицо еще раз, глядя на свое отражение. Прозрачные глаза смотрели холодно и оценивающе.

Она уже собиралась вызвать слугу, чтобы тот принес завтрак, когда услышала странный звук. Не скрежет камня, не шаги по коридору, а тихий, непрерывный шелест, похожий на шум листвы в лесу.

Белла подошла к тяжелой дубовой двери и открыла ее.

Коридор Северной башни исчез.

От пола до самого сводчатого потолка пространство было забито цветами. Тысячи, десятки тысяч стеблей. Белые лилии, чей приторный аромат мгновенно ударил в нос, создавая удушливую, тошнотворную пелену. Алые розы с шипами, способными проколоть кольчугу. Нежные, экзотические орхидеи из Южных колоний, привезенные, вероятно, контрабандой. Цветы были везде: они стояли в ведрах, в корзинах, в магических кубках, поддерживающих жизнь срезанных стеблей, они были просто свалены в кучи на каменном полу, образуя живой, гниющий ковер.

Среди этого ботанического безумия, прижимаясь спиной к холодной стене, стоял дежурный маг-распорядитель. Его лицо было бледным, а руки, державшие очередной букет, мелко дрожали. — Леди Грейс, — прохрипел он, — я... я пытался сосчитать, но сбился на пятой сотне. Это все... это все вам. Прибывает каждые полчаса с самого рассвета. Курьеры говорят, внизу, во дворе, очередь из экипажей до самых ворот Академии.

Белла посмотрела на гору флоры. Это была не просто дань уважения. Это была капитуляция. Вчерашняя дуэль с Морганой, транслированная сплетнями, превратилась в миф. Белла не просто победила наследницу герцога. Она *стерла* ее. Она показала силу, которая не требовала криков, размахивания руками и вызова демонов. Она победила концептуально. Для студентов, выросших в мире, где правит грубая сила, это было страшнее любого «Стигийского савана».

— Выбросьте это, — ровным голосом сказала Белла, указывая на коридор. — Все. В ров. Или скормите упырям в подвалах. Мне не нужны мертвые растения.

— Но, леди... — маг побледнел еще сильнее. — Здесь подарки от сыновей маркизов! От племянника ректора! Если я прикажу выбросить корзину от виконта де Рено, моя семья лишится титула!

Белла вздохнула. Запах лилий начинал вызывать мигрень. — Сложите это в пустом классе на первом этаже. Прикройте ткань, чтобы не воняло. И передайте курьерам, что леди Грейс не принимает флору. Никогда.

Она закрыла дверь перед носом ошеломленного мага.

Завтрак она проигнорировала. Вместо этого она села за стол и открыла «Танатологию». Ей нужно было изучить протоколы сдерживания высшей нежити, а времени до лекции по ритуальной магии оставалось всего ничего.

Но сосредоточиться не удалось. Началось паломничество.

Первым в дверь постучал виконт де Рено. Белла знала его семью — владельцы соляных копей, напыщенные и недалекие. Она открыла дверь. Виконт, бледный юноша с испуганными глазами, протягивал ей бархатную коробочку. — Леди Грейс, — пролепетал он, — я был поражен вашим изяществом вчера. Позвольте преподнести вам это в знак моего глубочайшего... эм... восхищения.

В коробочке лежал кулон с редчайшим черным бриллиантом. Камень, способный накапливать ману смерти. Стоил как небольшая деревня.

Белла посмотрела на кулон, потом на лицо виконта. — Благодарю, виконт. Камень хорош. Но вы держите его так, будто это дохлая крыса. Если вы не готовы вложить в подарок уверенность, он бесполезен. Оставьте его себе. Она мягко, но непреклонно закрыла дверь, оставив ошеломленного аристократа стоять с протянутой рукой.

Следующим был Эдмунд, сын Верховного Инквизитора. Высокий, мрачный парень, чьи глаза уже начинали мутнеть от постоянного использования дара видеть ложь. Он не дарил цветов. Он принес тяжелый фолиант в переплете из кожи василиска. — «Анатомия эфирных паразитов», — прочитала Белла на корешке. — Первое издание. Редкая вещь. — Я видел, как вы работаете с энтропией, — голос Эдмунда был лишен всяких эмоций. — У вас талант. Я хочу наблюдать за вашим ростом. — Наблюдайте издали, — Белла вернула книгу. — Ваша аура инквизитора подавляет мои некротические резонансы. Когда вы стоите рядом, мне хочется вымыть руки. Это мешает учебе.

Дверь снова закрылась. К обеду очередь у ее двери растянулась по всей Северной башне. Белла не выходила. Она села прямо на пол в центре комнаты, скрестив ноги, и погрузилась в глубокую медитацию, отгородившись от внешнего мира барьером тишины.

Но Академия Теней — это не светский салон. Здесь не привыкли к отказам. Ближе к вечеру, когда очередь начала редеть, а самые робкие женихи разбежались по аудиториям, в дверь постучали иначе. Не робко, не просяще. Уверенно. Властно.

Белла сняла барьер и открыла дверь. На пороге стоял граф Сергей ди Фальконе.

Белла застыла. В ее памяти, хранящей тысячи лиц из высшего общества, это имя вспыхнуло красным. Ди Фальконе. Древнейший род. Владельцы северных земель, граничащих с Пустошами. Граф, чей дед лично жег еретиков на кострах, а отец держал в кулаке половину северного генералитета. И перед ней стоял его сын.

Он не был красив в классическом понимании. В нем не было смазливости виконта де Рено. Сергей ди Фальконе был пугающе, хищно привлекателен. Высокий, широкоплечий, с волосами цвета воронова крыла, как у самой Беллы, и глазами цвета закаленной стали. На его левой скуле красовался старый, давно побледневший шрам от когтей — метка боевого мага. Он был одет в простую черную форму старшего курса, но даже она сидела на нем как вторая кожа, подчеркивая каждую линию тренированного тела.

Он не протягивал ей цветов. Не держал коробочек с бриллиантами. Его руки были свободны.

— Леди Грейс, — его голос был низким, с легкой хрипотцой. Вибрация этого голоса заставила воздух в комнате нагреться на пару градусов. — Я не буду тратить ваше время на комплименты. Мы оба знаем, что вы — самое интересное, что случилось с этой клоакой за последние десять лет.

Белла склонила голову набок. Она чувствовала его магию. Она была тяжелой, давящей, пахнувшей озоном перед грозой и железом. Боевая магия высшего порядка. — Граф. Или мне стоит называть вас «наследником»? Прошу. Если вы пришли просить моей руки, боюсь, мой отец запросит за нее Пограничный легион в придачу. У вас не хватит казны.

Сергей усмехнулся. Улыбка сделала его лицо еще более опасным. — Я не прошу руки, Белла. Я предлагаю союз. Вчера вы стерли Моргану. Это было... познавательно. Но вы нажили

себе врага. Моргана — это ядовитый плющ. Она будет цепляться, пока не отравит вам колодец. Вам нужен телохранитель. Тот, кого она боится.

— Вы предлагаете себя в качестве сторожевого пса? — Белла приподняла бровь. — Какая нелестная самооценка для будущего главы рода.

— Я предлагаю партнерство, — он шагнул вперед. Белла не отступила, хотя инстинкт кричал ей отойти от этого сгустка чистой силы. — Вы — мозг. Я — кулак. Мы делим Академию. Вы плетете интриги, я ломаю кости тем, кто пытается вам помешать. К выпуску мы станем самой влиятельной парой в королевстве. А после выпуска... — он сделал паузу, его стальной взгляд буквально ощупал ее фигуру, — наш союз станет династическим.

Это было предложение, от которого не отказываются. Слияние капиталов, влияния и силы. Мечта любого родителя.

Белла смотрела на него несколько долгих секунд. Она анализировала. Его ауру, его пульс, расширение зрачков. Он был возбужден, но не только физически. Он был азартен. Он играл.

— Вы совершаете ошибку, граф, — наконец сказала она.

— Какую же? — в его голосе прозвучала сталь. Он не привык к отказам.

— Вы пытаетесь купить то, что нельзя купить, и защитить то, что не нуждается в защите.

Она подняла руку, останавливая его, когда он попытался возразить. — Мой отец, граф Эдмунд Грейс, построил империю на том, что всегда платил по счетам и никогда не полагался на чужие мечи. Вы предлагаете мне костыль, граф ди Фальконе. Я пришла сюда учиться ходить на своих ногах. Даже если эти ноги будут стоять по колено в крови моих врагов.

Она смотрела ему прямо в глаза. Никакого кокетства. Никакого женского страха. Только холодный, банковский расчет. — Что касается Морганы... Она — плесень. Ей нужны темнота и сырость. Я же — открытый огонь. Я не буду прятаться от плесени за вашей спиной. Я ее выжгу.

Сергей молчал. Его челюсть напряглась. Он смотрел на нее так, как смотрит коллекционер на редкую вазу, которая вдруг отказалась стоять на предложенном пьедестале и заявила, что хочет упасть и разбиться назло всем. — Вы понимаете, что отказываете мне? — тихо спросил он.

— Я не отказываю вам, граф, — Белла позволила себе тень улыбки. — Я просто откладываю ваше предложение. До тех пор, пока оно не станет интересным. Пока вы не перестанете предлагать мне роль принцессы в башне. Принесите мне голову дракона, а не обещание его охранять. Тогда, возможно, мы поговорим о династическом союзе. А теперь прошу извинить. У меня лекция по кровавой ритуалистике. Я не хочу пропустить описание правильного извлечения селезенки.

Она начала закрывать дверь.

— Вы играете с огнем, леди Грейс, — его голос прозвучал глухо.

— Я сама и есть огонь, — ответила она, и тяжелая дубовая створка отсекла его стальную ауру.

Белла прислонилась к двери спиной. Сердце билось ровно. Она не чувствовала страха. Она чувствовала лишь легкое раздражение от потраченного времени.

Она вернулась к столу. До лекции оставалось двадцать минут. Она открыла другую книгу — «Начала гемолитической трансмутации».

Очередь у ее дверей, которая, казалось, начала было иссякать, снова начала расти. Слух о том, что Белла Грейс отказала самому Сергею ди Фальконе, разлетелся по Академии быстрее лесного пожара.

Отказать виконту с цветами — это вежливость. Отказать сыну Верховного Инквизитора — это осторожность. Но отказать графу ди Фальконе, когда он предлагает тебе власть на блюде — это чистое, незамутненное безумие. Или гениальность.

Для студентов Академии, где правили инстинкты, это делало Беллу Грейс самой желанной и самой недоступной добычей.

Следующим в дверь постучал Олег.

Белла знала его лишь мельком — высокий, нескладный парень с вечно растрепанными рыжими волосами и руками, покрытыми ожогами. Пиромант. Дикий, необузданный. Он не принес подарков. В руках он мял потрепанную кепку. — Э-э... леди Грейс? — он покраснел так, что его веснушки исчезли на фоне пылающих щек. — Я это... я видел, как вы с Морганой. И как вы этого... ди Фальконе. Вы... вы невероятная. Я... я могу научить вас делать настоящий, горячий кофе. Из зерен. У меня есть спиртовая горелка.

Белла замерла с пером в руке. Она смотрела на этого рыжего парня. Он не хотел ее тело. Он не хотел ее статус. Он не хотел ее политическое влияние. Он был искренне, по-детски влюблен и предлагал ей то единственное, что умел — горячий кофе.

Она закрыла книгу. — Пиромант? — спросила она. — Д-да, — пискнул он. — Олег. — Твои ладони, Олег. Третья степень ожогов. Ты используешь магию без проводников, — она кивнула на его руки. — Ты выгоришь к двадцати годам. — Ну... да, — он шмыгнул носом. — Зато как ярко!

Белла встала. Она подошла к нему вплотную. Олег вжался в косяк, боясь дышать. Она была высокой для девушки, и сейчас, в полумраке комнаты, с рассыпавшимися по плечам волосами, она выглядела не аристократкой, а жрицей какого-то древнего, жестокого культа.

Она подняла руку и коснулась его обожженной ладони кончиками пальцев.

Олег замер. Он ожидал чего угодно: удара, насмешки, холодного взгляда.

Белла закрыла глаза. Она не использовала светлую магию исцеления. Она использовала Тьму. Но не ту, что убивает. Она использовала энтропию в ее самой тонкой, созидательной форме. Она не «лечила» ткани. Она *откручивала* время назад для его клеток.

Черная, невидимая энергия потекла с ее пальцев. Ожоги на руках Олега начали бледнеть. Вздувшиеся волдыри опадали. Багровая кожа светлела, приобретая здоровый, чуть тронутый веснушками оттенок. Боль, которую он так долго носил в себе, втянулась в пальцы Беллы, как вода в песок.

Процесс занял не больше десяти секунд.

Белла убрала руку. Она покачнулась, на мгновение потеряв равновесие. Ритуальное исцеление, даже мелкое, всегда стоило дорого.

Олег посмотрел на свои ладони. Идеально гладкие. — Я... — он сплотнул. — Я не знаю, что сказать. — Скажи, что будешь носить перчатки, — голос Беллы был хриплым от усталости. — Твоя манна сжигает тебя изнутри. Если хочешь дожить до выпуска, научись ее изолировать.

Она вернулась к столу, села и снова открыла книгу, давая понять, что аудиенция окончена.

— Я... я могу принести вам кофе завтра? — робко спросил Олег в закрывающуюся щель. — Если он будет без сахара, — донеслось из комнаты.

Белла осталась одна. Она потеряла виски. Запах лилий, кажется, пропитал даже камень стен.

Она подошла к окну. Во дворе, освещенном тусклыми фонарями, все еще стояла пара экипажей. Она видела, как по дорожке бредет Сергей ди Фальконе. Он шел медленно, засунув руки в карманы, и впервые за все время выглядел не хищником, а просто озадаченным мужчиной.

Белла прижалась лбом к холодному стеклу.

«Саморазвитие — вот мой кавалер», — сказала она вчера какому-то баронету. Она думала, что это просто красивая фраза, чтобы отшить идиота.

Но сейчас, глядя на свои руки, только что исцелившие другого человека без единой руны, просто силой воли и крови, она понимала, что это не фраза. Это — правда.

Ее сердце действительно принадлежало науке. Тёмной, страшной, кровавой науке. И этот брак был заключен на крови задолго до того, как она научилась ходить.

Она отошла от окна, задернула тяжелую штору, отсекая себя от мира цветов, графов и надежд, и села за стол.

Ночь обещала быть долгой. Завтра начинались занятия по проклятиям. И Белла Грейс собиралась быть первой не только в очереди на завтрак, но и в списке тех, кто освоит «Поцелуй Банши» к концу недели.

А цветы? На следующее утро слуги нашли в коридоре Северной башни все корзины и ведра. Белла не стала их выбрасывать. Она потратила три часа ночи и изрядн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.